

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2019.5.22.7

УДК 316.472 | ББК 60.524

© Тыканова Е.В., Хохлова А.М.

КОНФИГУРАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПЕТЕРБУРГСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ, НАЦЕЛЕННЫХ НА УЛУЧШЕНИЕ КАЧЕСТВА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

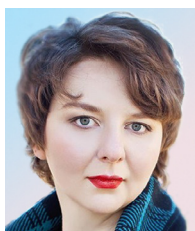
ЕЛЕНА ВАЛЕРЬЕВНА ТЫКАНОВА

СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН

Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

E-mail: elenatykanova@gmail.com

ORCID: [0000-0002-1060-0064](https://orcid.org/0000-0002-1060-0064); ResearcherID: [N-7943-2013](https://orcid.org/N-7943-2013)

АНИСЬЯ МИХАЙЛОВНА ХОХЛОВА

Санкт-Петербургский государственный университет

Российская Федерация, 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3

E-mail: a.khokhlova@spbu.ru

ORCID: [0000-0002-2057-7988](https://orcid.org/0000-0002-2057-7988); ResearcherID: [K-2063-2014](https://orcid.org/K-2063-2014)

В фокусе статьи находятся российские профессионализированные организации общественных движений, которые ставят перед собой цель по улучшению городской среды. Авторы анализируют взаимодействия таких организаций с другими акторами, вовлеченными в формирование и пересмотр городской повестки и/или принятие политических решений о городском развитии, и задаются вопросом о том, как характер и исходы этих взаимодействий отражаются на деятельности активистов и определяют ее результативность. Отказываясь от традиционного подхода, когда организации общественных движений рассматриваются преимущественно как зависимые от властных структур и одновременно противопоставленные им, авторы настаивают на изучении укорененности усилий организованных групп активистов в сложном контексте взаимодействий с многочисленными стейкхолдерами – их «реляционных полях». Опираясь на материалы полуформализованных интервью с представителями двух организаций общественных движений в Санкт-Петербурге, задействованных в разработке и продвижении городских инфраструктурных проектов, и неформализованных наблюдений на мероприятиях этих групп, авторы анализируют формы и барьеры взаимодействия активистов не только с поли-

тическими элитами, но и с представителями бизнеса, других гражданских инициатив и широкой общественности, а также обсуждают институциональные рамки такого взаимодействия. Они демонстрируют выигрыши и издержки различных форматов коммуникации активистов с ключевыми городскими акторами (информирование, консультирование, партнерство и пр.) и заключают, что свойства реляционных полей, в которых сегодня действуют изученные организации общественных движений, препятствуют реализации крупномасштабных инфраструктурных инициатив, но открывают возможности для локальных ситуативных побед.

Городское пространство, качество городской среды, активисты, организации социальных движений, городские власти, реляционные поля.

Введение

Городское пространство в постсоветской России подвергается стремительной и интенсивной коммодификации, инициированной городскими политическими и экономическими элитами, что зачастую приводит к отчуждению городских территорий от жителей и перераспределению пространственных прибылей от использования территорий не в пользу горожан [1; 2], а также, в конечном итоге, порождает различные формы пространственного неравенства: например, резидентную джентрификацию, предполагающую смену социального состава жильцов/владельцев недвижимости в пользу высшего среднего и высшего классов [3], или более характерную для российских городов дворянизацию – силовое или экономическое вытеснение жителей гомогенизированных городских центров без формирования стратифицированных кварталов [4]. В результате возникает выраженная асимметрия в учете политическими и экономическими элитами мнений различных групп интересов о должном качестве и предпочтительных способах использования городского пространства: в частности, при принятии политических решений о трансформациях городских территорий нередко игнорируются фоновые практики и потребности горожан. В свою очередь, городские жители могут отвечать на исключение из дискуссии о судьбе городских территорий протестом, мобилизуясь для защиты своего «права на город» [5, с. 389]. Такая протестная мобилизация в российских городах становится все более частой и масштабной с середины 2000-х годов [6]. В настоящее

время действия и риторики городских активистов, обеспокоенных нежелательным, с их точки зрения, городским развитием и, в частности, нарушением привычных режимов использования городских территорий, достаточно подробно изучены в отечественных социальных науках [7–10]. Исследования показывают, что активисты, как правило, являются представителями локальных (соседских) сообществ, а их усилия нередко ограничиваются точечным обсуждением проблем местных территорий.

Однако, хотя локальные городские протесты можно назвать преобладающей формой реализации «права на город», в крупных российских городах существуют и профессиональные градозащитные и/или правозащитные организации, которые активно участвуют в полемике о будущем оспариваемых территорий и стремятся оградить их от нежелательного (ре)девелопмента. Примерами таких организаций могут служить институционализированные инициативы, выступающие за сохранение историко-архитектурного наследия: «Живой город» в Санкт-Петербурге [8], «ВООПиК», имеющее отделения по всей России [11], и др. Эти организации отличают преимущественно охранительные, защитные, а порой и протестные интенции, тогда как создание и продвижение новых инициатив и проектов по улучшению качества городского пространства не считаются их приоритетами.

Относительно новым для российских городов явлением становится возникновение гражданских объединений – групп профессионалов и экспертов, которые, в противовес алармистской логике сохранения

и поддержания существующих городских инфраструктур, занимаются созданием, популяризацией и реализацией предложений по улучшению качества городского пространства и решением существующих проблем в области экологической безопасности городских территорий, городского благоустройства, дизайна, трансформации архитектурного облика конкретных районов и кварталов и пр. Такие группы претендуют на роль профессиональных экспертов, чьи оценки городских реалий должны быть легитимны в глазах жителей, представителей бизнеса и городских администраций. Кроме того, они предлагают конкретные проектные решения актуальных городских проблем. При этом для полной или частичной реализации предлагаемых инициатив данным группам неизбежно приходится взаимодействовать с официальными экспертами – представителями муниципальных, районных и городских властей, которые зачастую являются единственными агентами, имеющими доступ к принятию политических решений о трансформации городских территорий, а также с широким кругом иных акторов: другими (возможно – конкурирующими) инициативными группами, горожанами, представителями бизнеса и пр. В своем исследовании мы фокусируемся именно на таких «созидательных» гражданских объединениях и задаемся вопросом о том, в какие коммуникативные сети включены их участники и как взаимодействие с другими акторами влияет на результативность усилий активистов по преобразованию городских территорий.

Современная политическая ситуация в России такова, что на пути воплощения «проектных» инициатив встают множественные барьеры, связанные, например, с бюрократизированностью процессов принятия решений в сфере городского планирования и развития, недостаточной координированностью деятельности профильных комитетов, отсутствием общеразделяемого конвенционального языка коммуникации активистов и чиновников [12]. К числу препятствий, с которыми приходится

сталкиваться активистам, также относится настороженное, а порой и репрессивное отношение властей к низовым инициативам, где априори видится потенциал политического протеста. В стремлении наладить конструктивный диалог с политическими элитами многие группы активистов подчеркивают неполитический характер своих требований [13]. В реальности же, несмотря на декларируемую аполитичность и созидательный характер деятельности, в своих попытках сформировать определенную городскую повестку в публичной сфере и привлечь политические элиты к решению насущных городских вопросов такие гражданские объединения нередко используют характерные для общественных движений стратегии, в том числе открытый протест в форме пикетов, митингов, голодовок и пр. [14]. Кроме того, они обращаются за поддержкой к политикам, с тем чтобы те лоббировали интересы активистов в органах законодательной и исполнительной власти разного уровня, а также стремятся к информированию и консультированию чиновников [15] по вопросам улучшения качества городского пространства. Хотя гражданские объединения могут изначально опираться на отношения родства, дружеские сети и другие неформальные связи активистов [16], некоторые из них постепенно приобретают выраженную организационную структуру. Исходя из вышесказанного, мы делаем вывод о том, что деятельность городских активистов уместнее всего анализировать с использованием теоретико-методологического аппарата социологии общественных движений, а сами изучаемые группы активистов – квалифицировать в качестве «организаций общественных движений» (англ. «social movements organizations, SMOs»).

Ниже мы подробнее обсудим возможности и ограничения основных направлений социологии общественных движений, а именно структурных и агентных подходов, и, опираясь на этот сравнительный анализ, обоснуем выбор основной теоретической рамки исследования – концепции реляционных полей Дж. Голдстоуна. Затем мы кратко

опишем специфику существующих исследований городского локального активизма и организаций общественных движений в современной России. Наконец, основываясь на результатах качественного социологического исследования петербургских инициативных групп, нацеленных на улучшение качества городской среды, мы выделим и последовательно рассмотрим элементы реляционных полей, в которые они включены.

Теоретические основания исследования:

«структура»/«агентность» vs «реляционные поля»

Классическими теоретическими инструментами анализа требований, риторик, действий и успехов общественных движений / организаций общественных движений считаются структурный и агентный подходы. Одной из самых авторитетных версий агентного подхода является разработанная М. Залдом, Б. Эдвардсом и Дж. МакКарти теория мобилизации ресурсов, фокусирующаяся на том, как люди объединяются в общественные движения с целью аккумуляции дефицитных ресурсов, необходимых для реализации общих целей активистов. Подчеркивается значение конкретных возможностей, усилий и решений представителей общественных движений [17; 18]. Ярким примером структурного подхода выступает теория структуры политических возможностей [19; 20], а также комплементарная ей теория политического процесса [21; 22]. Авторы данных теорий считают, что деятельность активистов во многом определяется наличием объективных институциональных фильтров и барьеров, так что для успешной реализации целей того или иного общественного движения активисты должны суметь воспользоваться открытыми/открывшимися «окнами» в ограничивающих их инициативу структурах возможностей. В целом ведущие представители social movement studies склонны определять участников общественных движений как акторов, дистанцированных от институционального мира политиков, которые

наделены формальными полномочиями по принятию политических решений [21], но в то же время стремящихся избежать полного исключения из политического процесса [14; 23]. По их мнению, многие активисты желали бы покинуть лагерь неинституционализированной политики и проникнуть в лагерь институционализированной политики, то есть из «аутсайдеров» политического процесса превратиться в «инсайдеров» [24, с. 2]. Таким образом, основная коммуникативная «пара», традиционно находящаяся в фокусе внимания зарубежных исследователей общественных движений, – это пара «активисты – власти».

Отечественные публикации, посвященные взаимодействию различных инициативных групп и общественных движений, продвигающих защитную городскую повестку, с другими акторами, также сосредоточены преимущественно на анализе коммуникации активистов и местных властей. Так, В. Бедерсон и И. Шевцова изучают каналы и инструменты взаимодействия инициативных групп Перми с местными властями для решения вопросов городского планирования [25]. Обращаясь к опыту нескольких российских городов, А. Кольба и А. Ильченко [26; 27] выделяют модели конфликтной политической коммуникации населения с властями по вопросам городского развития. Немногочисленные отечественные публикации, посвященные анализу интересующего нас феномена – деятельности профессионализированных организаций общественных движений – также фокусируются на различных аспектах взаимоотношений властей и активистов. Так, в исследовании, посвященном оценке результативности усилий гражданских и экспертных групп по улучшению городской среды в Санкт-Петербурге [12], и в проекте, нацеленном на изучение тактик участников инициативных городских проектов по изменению городской среды в Москве и Томске [28; 29], авторы прибегают к анализу внешних политических структур и доступных активистам комбинаций ресурсов.

Наша статья представляет собой попытку отойти от этой доминирующей логики описания деятельности организаций общественных движений, где в фокусе внимания оказывается исключительно пара «активисты – власти», причем эта пара зачастую упрощенно рассматривается как априори конфликтная. Напротив, в своем анализе мы стремимся учесть другие связи городских инициативных групп с их средовым «окружением»: в частности, нас интересуют контакты активистов с представителями бизнеса, НКО, СМИ, иными гражданскими и экспертными группами и, наконец, широкой общественностью.

Для учета широкого репертуара связей представителей гражданских объединений мы воспользуемся аналитической моделью реляционных полей, или полей взаимодействия (англ. – «*relational fields*»), разработанной Дж. Голдстоуном. Эта модель охватывает взаимодействия активистов (1) с другими общественными движениями и контрдвижениями, причем как конкурентные и/или конфликтные, так и приводящие к созданию альянсов; (2) с политическими и экономическими институтами, определяющими правовые и иные нормативные рамки, в которых активисты могут заявлять свои требования, рекрутировать новых членов, бороться за реализацию проектов; (3) с государственными служащими различного уровня и другими политическими акторами, оказывающими влияние на динамику и результативность движений; (4) с разнообразными элитами (экономическими, религиозными, медиаэлитами и пр.), чьи интересы прямо или косвенно связаны с деятельностью активистов; (5) а также с иными множественными публиками. Более того, Голдстоун учитывает роль символических и ценностных ориентаций в обществе, которые обуславливают публичную оценку требований активистов и реакцию на них, последствия критических событий, таких как войны, экономические кризисы, эпизоды насилия и иных форм конфронтации [30]. Такой подход позволяет отказаться от статичного языка структурного подхода

к анализу общественных движений, но в то же время принять во внимание специфику сложной внешней среды, в которой приходится действовать активистам.

В статье мы ставим перед собой цель проанализировать усилия и возможные результаты деятельности российских организаций общественных движений по улучшению качества городской среды в контексте их погруженности в специфические реляционные поля, то есть включенности в сети взаимодействий с широким кругом акторов: местными и федеральными властями, представителями бизнеса, другими общественными инициативами и горожанами. Кроме того, мы характеризуем институциональное окружение, в котором разворачивается деятельность активистов. Однако важно оговориться, что в связи с ограничениями исследования, определяемыми характером полученных эмпирических материалов, мы были вынуждены оставить «за скобками» такие важные, в логике Голдстоуна, характеристики реляционных полей, как взаимоотношения активистов с религиозными сообществами и СМИ, роль символических и ценностных ориентаций доминантной культуры, а также последствия кризисных событий. Кроме того, поскольку эмпирическое исследование позволило осуществить лишь синхронный анализ целей, действий и риторик организаций общественных движений в обществе, тогда как история зарождения и развития этих организаций реконструировалась информантами избирательно и ретроспективно, сюжет о динамике активистских групп остался для нас периферийным.

Эмпирические данные и метод

Эмпирическую базу исследования, сформированную в 2016–2017 гг., составляет серия полуформализованных интервью (по 7 интервью в каждом из случаев, N = 14) с активистами, занимающими ключевые позиции в двух петербургских организациях общественных движений. Использованы эмпирические материалы исследования, поддержанного грантом РФФИ «Качество

городского пространства: векторы развития гражданских инициативных групп в России и Германии» (№ 16-03-00508, 2016–2018 гг.). Одна из этих организаций занимается вопросами развития городской велосипедной инфраструктуры, тогда как вторая озабочена вопросами экологической безопасности. Кроме того, наш анализ опирается на серию невключенных неформализованных наблюдений, проведенных на мероприятиях данных организаций (в общей сложности получено 5 протоколов). Наконец, дополнительным источником информации послужили посты и комментарии, опубликованные в официальных сообществах организаций в социальных сетях. Полученные качественные данные подвергались процедурам открытого и осевого кодирования с использованием программного обеспечения Atlas.ti, 5 edition¹. В ходе создания иерархического дерева осевых кодов особое внимание уделялось тем категориям, которые маркируют и/или характеризуют различные элементы реляционных полей изучаемых групп: «взаимодействие с другими группами»; «взаимоотношения с горожанами»; «взаимоотношения с городскими властями»; «взаимоотношения с бизнесом»; «институциональная среда», «финансирование». Каждая из таких категорий, в свою очередь, охватывала целый ряд субкатегорий (открытых кодов). Например, ключевая категория «взаимодействие с другими группами» содержит такие субкатегории, как «информированность о деятельности других групп», «знакомство с другими группами», «партнерство с другими группами», «отношение к другим группам», «конфликт с другими группами»².

Группа 1³ позиционирует себя в качестве объединения, выступающего за развитие в Санкт-Петербурге комфортной и безопасной велоинфраструктуры. К числу основных

направлений ее деятельности по информации, представленной в официальной группе движения в социальных сетях, относятся работа по увеличению масштабов велопользования среди горожан, просветительская активность (информирование горожан о возможностях использования велотранспорта в городской среде) и проведение массовых мероприятий (велопарадов, велозабегов). Одним из приоритетов Группы 1 можно назвать работу по лоббированию интересов велосипедистов в органах местной власти Санкт-Петербурга.

Согласно приведенному на официальной странице движения описанию, Группа 2 является одним из филиалов общероссийского движения, которое занимается организацией и проведением акций по уборке мусора, развитием практик бережливого и ответственного потребления, консультированием граждан по поводу раздельного сбора мусора, проведением экоуроков, лекций и мастер-классов. Помимо этого, активистское ядро Группы 2 вовлечено в системное (но, как правило, малорезультативное) продвижение прогрессивной экоповестки в ходе взаимодействия с органами местной власти, а также разработку моделей решения экологических проблем на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Взаимодействие с органами власти

Взаимоотношения групп с органами власти являются одним из ключевых элементов в структуре реляционных полей общественных движений. Так, члены Группы 1 указывают на необходимость контактов с представителями власти в ходе реализации целей движения: *«Группа 1 не только для велосипедов улучшает инфраструктуру, [но] и, как сообщество, должна просто устраи-*

¹ В ходе открытого кодирования сопряженным по смыслу фрагментам нарративов присваивались «ярлыки» (субкатегории), которые в дальнейшем группировались в более крупные осевые категории.

² Авторы выражают благодарность Ирине Шевцовой – директору Центра сравнительных исторических и политических исследований, доценту историко-политологического факультета ПГНИУ – за помощь в обработке данных.

³ В соответствии с нормами академической этики названия изученных организаций общественных движений, а также имена информантов скрыты. При этом названия других упоминаемых информантами инициативных групп приводятся полностью, тогда как имена конкретных людей, опыт взаимодействия с которыми они описывают, заменены псевдонимами.

вать диалог с различными другими представителями общества, в том числе и властью» (Наблюдение 1, гр. 1). В качестве партнера по коммуникации могут выступать власти различных уровней: от муниципального и районного до городского, а в некоторых случаях – и федерального: «С районными больше, да. С городским комитетом по транспорту, по развитию транспортной инфраструктуры» (Интервью 1, гр. 1, м.); «И, конечно, по возможности работа с правительственными организациями и министерствами, департаментами, комитетами. И главное, достучаться до Минобразования, их поддержки» (Интервью 2, гр. 1, м.). Активисты обосновывают необходимость обращения к местным властям спецификой алгоритма согласования городских публичных мероприятий, проведение которых, в связи с ужесточившимся законодательством, недопустимо без официальной санкции: «Они с нами никак не контактируют, в общем-то, только согласование всяких велопарадов сейчас проходит достаточно сложно: ведь мы массовое сборище, митингуем, опасны для общества, знаете [говорит иронично]» (Интервью 3, гр. 1, м.). Кроме того, представители Группы 1 сообщают о поддержке со стороны нескольких местных политиков, готовых лоббировать интересы организации в эшелонах власти: «В принципе, наша организация сотрудничает с политическими силами, которые на протяжении определенного срока ... оказывали видимую поддержку в развитии велодвижения. К примеру, депутат Петров или Иванов – они эту тему двигают» (Интервью 2, гр. 1, м.).

Несмотря на эпизодические успехи: «Наконец-то правительство официально сказало да, мы теперь взяли ваш макет, отравили его в администрацию всех районов и дали всем указания, «стройте теперь только такие». Вот это была такая очень маленькая, в принципе, но очень важная для нас победа» (Интервью 7, гр. 1, ж.), – в целом активисты Группы 1 отмечают достаточно низкую результативность взаимодействия с органами местной власти по поводу стратегического изменения городского про-

странства. Вклад активистов в разработку и принятие стратегически ориентированных городских проектов в лучшем случае носит информационный и/или совещательный характер: «И мы с ними сотрудничали, помогали им, консультировали их, как максимально удобно и хорошо сделать план веломаршрутов, которые нам все обещают вот-вот начать строить, но пока никак не начнут» (там же). В качестве возможных причин этого информанты указывают, в первую очередь, неготовность представителей власти к стратегической законотворческой работе, нацеленной на развитие городской велосипедной инфраструктуры. Между тем, такая инфраструктура позволила бы снизить травмоопасность пользования велосипедами в городской среде: «Василиса организовывала велопробеги для наших депутатов. Я их водил по сложным маршрутам, чтобы они испугались, увидели и почувствовали, что это. Правда, они приходят к неверным выводам такого толка, что по Невскому [проспекту] лучше закрыть велодвижение. Но это у них, к сожалению, инерция мышления» (Интервью 2, гр. 1, м.). Также активисты жалуются на недостаточный масштаб и представительность организации в глазах власти имущих: «В общем, можно понять чиновников: они считают, что группа должна быть гораздо больших размеров, чтобы претендовать на какие-то улучшенные условия» (Интервью 3, гр. 1, м.).

Представители Группы 2 сообщают, что разочарованы попытками реализации крупных стратегических инициатив, требующих постоянного взаимодействия активистов с органами власти. Власть дискурсивно стигматизируется в нарративах представителей этой организации как бюрократизированная, оторванная от городских реалий, говорящая с активистами и жителями города на разных языках, а контакты с чиновниками описываются как вынужденная мера. В связи с этим активисты применяют различные тактики избегания тесного контакта с чиновниками: например, зачастую отказываются от попыток убедить представителей власти в необходимости и легитимности непопулярных среди чиновников городских

проектов (проект по замене мусоросжигательных заводов на мусороперерабатывающие предприятия и т. д.), а взамен реализуют лишь те инициативы, которые требуют минимальной вовлеченности представителей городских комитетов и администраций или вовсе не требуют их участия: *«То есть мне бы хорошо ограничиться возможностью обращения к электорату, чтобы они дали какую-то информацию через свои СМИ, повысили мне уровень мероприятия за счет того, что при поддержке администрации, немножко упрощая, дали, условно, черных полипропиленовых мешков и увезли мусор. По большому счету... И чтобы ко мне не пришла милиция и всех не арестовала, чтобы все это в установленном порядке было по закону согласовано. И больше мне от них ничего не надо»* (Интервью 6, гр. 2, м.).

Одновременно активисты с горечью описывают возможные риски взаимодействия с органами местной власти. Так, они считают, что представители администрации могут использовать активистов и волонтеров как бесплатную рабочую силу, выполняющую непосредственные функции чиновников: *«...кто-то убирает, и администрация на радостях, не знаю, сядет и ножки свесит: «А что, у нас тут убирают!» – и не чешется, что они тоже должны, проследить, вывозить или какие-то контейнеры поставить. И получается медвежья услуга, то есть мы за них убираем, они только спихивают ответственность»* (Интервью 3, гр. 2, ж.). Здесь власть предстает как своеобразный безбилетник, делегирующий задачи и ответственность общественным организациям. Кроме того, сотрудничество с активистами может использоваться политиками для конструирования собственных политических репутаций и усиления своих позиций на политической арене, что категорически не устраивает активистов, которые обычно позиционируют свою деятельность как строго неполитическую: *«Мы привезем вам десять автобусов людей, еще что-то, но перед игрой сначала надо, чтобы они все проехали по избирательным участкам, быстренько в праймериз участвуют, а потом вы будете это. Как бы*

была попытка превратить, что они проголосовали – и теперь им такая награда, пойдете, поубираете мусор, поиграете» (Интервью 6, гр. 2, м.).

Впрочем, взаимодействие с органами местной власти оборачивается для Группы 2 и некоторыми преимуществами. Так, информационная и организационная поддержка администраций может увеличивать привлекательность мероприятий движения в глазах реальных и потенциальных аудиторий: *«Поэтому и важно с администрациями, что они все-таки успевают впихнуть в свою газетку. Как ни странно, эти газеты, если это не Санкт-Петербург, а Ленинградская область, там читают»* (там же).

Несмотря на невозможность реализации крупных инфраструктурных проектов, нацеленных на обеспечение экологической безопасности в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, в обозримом будущем, в ходе регулярного взаимодействия с местными властями Группа 2 изредка достигает точечных успехов: *«И мы все убираем, убираем, убираем, все общаемся с администрацией, и потом, например, администрация... среди ее сотрудников есть те, кто понимает, что разумное-доброе-вечное существует, и они способны тоже проявить определенное количество инициативы, чтобы провести это через городской бюджет...»* (Интервью 1, гр. 2, ж.). Однако, как и в случае с Группой 1, активисты Группы 2 могут рассчитывать лишь на информационные и совещательные функции в деле разработки и принятия городских решений: *«По-моему, еще кто-то ездил на эти воронцовские совещания [совещания вице-губернатора]. Особо, конечно, мы выхлопа от этого не почувствовали, но в принципе это была какая-то возможность высказывать свою точку зрения»* (Интервью 2, гр. 2, ж.).

Таким образом, используя многочисленные тактики избегания контактов с чиновниками, представители организаций общественных движений все же признают необходимость взаимодействия с органами местной, а порой и федеральной власти. Однако, даже если эти взаимодействия

в кратковременной перспективе оборачиваются для активистов выигрышами и/или преимуществами, структура их реляционных полей характеризуется такими барьерами и вызовами коммуникации, что это кардинально сказывается на успехе деятельности активистов.

Институциональная среда

В качестве характеристик институциональной среды, в которой разворачивается деятельность организаций общественных движений, мы рассмотрим особенности законодательной базы, а также финансовые и бюрократические ограничения, оказывающие влияние на планы и усилия активистов. Представители Группы 2 отмечают практически полное отсутствие законодательных рамок, регламентирующих развитие велосипедной инфраструктуры города, и жалуются, что их усилия по «запуску» новых законодательных инициатив почти всегда остаются тщетными. Впрочем, им все же удалось инициировать дискуссию о развитии велосипедной инфраструктуры в органах законодательной власти города и добиться принятия ряда поправок к существующим правовым нормам: *«Была внесена такая хорошая поправка в свод правил: в любом новом квартале при любом капитальном ремонте дорог, то есть при каком-то капитальном строительстве, всегда должна закладываться велосипедная инфраструктура»* (Интервью 6, гр. 1, м.). Тем не менее, несмотря на определенную положительную динамику в области усовершенствования городского законодательства, существует масса препятствий для реализации целей Группы 1. Это, в частности, отсутствие государственного финансирования инфраструктурных программ: *«В 2016-м году полгода тоже как-то: завтра, завтра, оказалось потом, что опять денег нет в бюджете. То есть городская власть, конечно, за велодорожки, до этого у нас не было постановления. Теперь есть законодательная база, но нет денег»* (Интервью 1, гр. 1, м.). Другим серьезным препятствием активисты считают моральную неготовность чиновников к коренному изменению

сложившейся дорожной инфраструктуры: *«Ну как сказать, они недостаточно радикальны, чтобы оздоравливать всю систему»* (Интервью 2, гр. 1, м.). Также информанты указывают на рассогласованность действий городских ведомств, отсутствие необходимой коммуникации между ними и ригидность институциональной среды, связанную с предельной бюрократизацией процессов принятия политических решений: *«Несколько раз были ситуации, когда приходилось велопарад отменить из-за того, что все согласовали, но потом приезжает какая-то другая инстанция и говорит: «А что же вы с нами не согласовали?»* (Интервью 1, гр. 1, м.). По большому счету, успех в реализации инициатив Группы 1 может зависеть от личного фактора – например, элементарного наличия чиновника, готового к сотрудничеству: *«Вменяемый руководитель примет нужное решение, если нет – то он не примет нужного решения»* (Наблюдение 2, гр. 1).

Представители Группы 2, рассуждая об институциональных ограничениях своей работы, указывают, что даже в случае декларируемой готовности локальных властей к участию в инициированных «снизу» городских проектах отсутствие финансирования препятствует их реализации. Городские власти, в свою очередь, открыто заявляют о принципиальной неготовности к крупным инфраструктурным изменениям, связанным с обеспечением экологической безопасности в городе: *«В Петербурге, опять же на уровне города, я пока не вижу понимания того, что нужно мусор не в землю закапывать, не сжигать, а перерабатывать. Возможно, потому что на этом сложно зарабатывать. На закапывании мусора в землю легко зарабатывать – это понятно, отработано. На сжигании понятно, отработано»* (Интервью 5, гр. 2, м.). Как и представители велодвижения, эоактивисты могут похвастаться рядом точечных успехов, достигнутых в сотрудничестве с чиновниками, однако они хорошо осознают ситуативный характер своих побед, которые могут обесцениться при любой трансформации в структуре политических возможностей, например, при

смене ответственных депутатов: *«Тут хороший муниципалитет был недалеко, но там сменились депутаты, и теперь они тоже как бы соперживают, но так как они не дали... Понятно, как у нас выборы происходят»* (Интервью 6, гр. 2, м.).

Итак, анализ институционального окружения изучаемых организаций общественных движений демонстрирует, что региональная законодательная база недостаточно развита для стимуляции низовых инициатив, нацеленных на развитие городской инфраструктуры, однако в принципе открыта для небольших и несистемных изменений, что доказывает опыт Группы 1. Кроме того, активисты сталкиваются с другими системными ограничениями, укорененными в институциональной среде: дефицитом финансирования, ригидностью бюрократического аппарата, принципиальной неготовностью чиновников менять сложившийся порядок вещей. «Окна» в сформировавшейся в Петербурге структуре политических возможностей открывает для гражданских объединений приход к власти конкретных чиновников, склонных поддерживать предлагаемые инициативы, однако эти «окна» немедленно закрываются в результате ротации управленческих кадров.

Взаимодействие с другими группами

Как уже упоминалось выше, характер взаимоотношений организаций общественных движений с другими подобными группами во многом определяет конфигурации реляционных полей, которые, в свою очередь, составляют контекст реализации низовых городских проектов в области улучшения качества городского пространства. Группа 1 поддерживает широкие сети коммуникации и сотрудничества с другими гражданскими и/или экспертными сообществами города, среди которых имеются и те, что выбирают тот же основной «профиль» деятельности, то есть нацелены на развитие транспортной/велосипедной инфраструктуры и организацию веломероприятий, и те, что характеризуются более развернутой

повесткой и стремятся к решению широкого круга городских проблем. Главной формой межорганизационной коммуникации в этом случае остается информационный обмен, однако в собранных нарративах фигурируют и случаи совместной проектной работы: *«Вместе проекты делаем, мы делали Сенную [площадь] вместе. Делали еще проекты по нормативам каким-то, в том числе с «Красивым Петербургом» и с «Горпроектами»* (Интервью 5, гр. 1, ж.).

Примечательно, что Группа 1 предпочитает поддерживать неконфликтные взаимоотношения даже с теми ассоциациями, которые могла бы рассматривать как прямо антагонистические: *«Да, мы вообще считаем, что нужно со всеми дружить, и даже есть группы воинствующих автомобилистов, которые, конечно, всячески отстаивают город для машин, но в целом мы не против машин, то есть абсолютно никаких возражений против автомобилистов мы не имеем»* (Интервью 7, гр. 1, ж.). Однако несовпадения в идеологии или случаи открытой критики со стороны других групп, даже близких по целям, все же создают определенное напряжение и, вероятно, могут послужить катализаторами конфликта: *«Но я в принципе недолюбиваю таких вот людей, которые пропагандируют анархию. У нас, например, есть одно сообщество любителей фикс-байков, которым наплевать на правила»* (Интервью 2, гр. 1, м.); *«Временами мы не очень рады «Велогороду», потому что они в открытую нас ругают без каких-либо причин»* (Интервью 3, гр. 1, м.).

Информанты, представляющие Группу 2, также сообщают о том, что обмениваются информацией с рядом других городских общественных инициатив и оказывают друг другу организационную поддержку. Случаи кооперации с другими организациями общественных движений, работающими в экологической тематике, связаны преимущественно с необходимостью эффективной (само)презентации в публичном пространстве города: *«Когда в мае идет по Невскому [проспекту] парад, – это все «зеленая колонна», то есть там Группа 2, «Раз-*

дельный сбор», Владимир, еще кто-то, еще кто-то из «Спасибо!». Есть еще движение, не так давно появившееся, «Чистая Вуокса» (Интервью 1, гр. 2, ж.).

Важно отметить, что исторически Группа 2 пережила своеобразный раскол, в результате чего из нее выделилось другое известное в городе объединение, занимающееся вопросами экологической безопасности. Хотя теоретически именно эта инициатива по-прежнему максимально близка Группе 2 по своим задачам, информанты признаются, что предпочитают избегать тесного сотрудничества с «коллегами», объясняя это различиями в организационной структуре движений и в приоритетах практической деятельности: «Но у нас с ними как-то отношения разошлись, потому что у нас немножко разного уровня организации. У них больше вертикальная, а у нас – горизонтальная» (Интервью 4, гр. 2, ж.); «Просто у них акции по первым субботам месяца – все. Поэтому... у них есть своя цель» (Интервью 2, гр. 2, ж.).

Таким образом, организации общественных движений в целом хорошо информированы о городском контексте общественных инициатив в области поддержания и улучшения качества городского пространства и готовы к сотрудничеству. Однако в ситуации возникновения других организаций, сходных по проблематике, они склонны к взаимному дистанцированию, а порой даже могут оценивать свои отношения в терминах конкуренции или латентного конфликта. Данное обстоятельство подчеркивает сложность организации реляционных полей, в которых действуют изучаемые группы, и логику дифференциации, которой подчинены эти поля.

Взаимодействие с представителями бизнеса

Помимо представителей органов власти и активистов других общественных городских инициатив важными акторами в структуре реляционных полей организаций общественных движений могут выступать предприниматели, (не) готовые оказывать финансовую или иную поддержку в реализации проектов по улучшению качества

городского пространства. В основном взаимоотношения Группы 1 с представителями бизнеса ограничиваются информационным обменом, однако порой предприниматели могут обеспечивать активистам площадки для проведения публичных мероприятий, а также предоставлять свою продукцию, которая используется в качестве поощрительных призов на акциях группы: «Мы договариваемся с различными заведениями по всему городу: бары, кафе, рестораны, магазины, – в общем, кто угодно... даже парикмахерские у нас бывают. И они день дарят велосипедистам бесплатный кофе, например, какой-то перекус. Магазины делают скидки» (Интервью 7, гр. 1, ж.). Активисты Группы 1 предпринимают попытки по привлечению разовой спонсорской помощи и установлению долговременных партнерских отношений с бизнесом. Однако, по их оценке, полученных средств не хватает на полноценную реализацию проектов: «МТС, они дают денег, но не всегда достаточное количество» (Интервью 4, гр. 1, ж.). В свою очередь, представители бизнеса могут инициировать сотрудничество со специалистами Группы 1, если они заинтересованы в профессиональном проектировании велопарковок. Такое сотрудничество может в редких случаях приносить доход участникам движения, чей труд осуществляется преимущественно на волонтерских началах.

Большая часть бизнес-партнеров Группы 2 оказывает ей помощь в виде предоставления собственной продукции и/или скидок на товары и услуги, а также обеспечения информационной поддержки. С другой стороны, активисты Группы 2 сообщают о некоторых возможностях капитализации собственной деятельности: например, о практике проведения экологических корпоративных мероприятий для коммерческих структур: «Компании какие-то хотят провести посадку деревьев. Вот он [активист Группы 2] организывает, договаривается насчет саженцев, договаривается с местом, где посадить. Люди приезжают, сажают» (там же). Примечательно, что экоактивисты рассуждают о возможностях взаимодействия

с бизнес-партнерами как о своеобразном проблематичном балансировании, когда на одной чаше весов находится извлечение финансовых выгод, а на другой – дополнительные временные и символические издержки и трудозатраты, связанные с использованием полученных ресурсов. Так, проекты, реализованные в партнерстве с бизнесом, описываются как более трудоемкие по сравнению с самостоятельными акциями, что связано с необходимостью информирования и даже экологического просвещения партнеров и высокой степенью ответственности перед ними: *«...тут тоже есть понимание, чтобы привлечь партнера, нужно потратить уйму сил, эмоций на то, чтобы с ним разговаривать, чтобы ему отчитаться потом, чтобы договориться, на что мы можем тратить деньги, на что нет. То есть, по сути, это тоже нагрузка – привлечение партнеров, и она съедает сил ровно столько, сколько ты получишь от него поддержки. То есть ты можешь организовать уборку и потратишь все, что тебе партнеры дадут, и еще больше сил на нее потратишь, хотя, может, то же количество мусора ты мог убрать без всего этого»* (Интервью 3, гр. 2, ж.). Использование спонсорской помощи также осложняется строгой отчетностью: *«В какой-то момент они говорят: «Мы вам пожертвуем». Там были три порции по сто тысяч, там были договоры... кстати, не очень простые: там надо было все по срокам, по видам трат»* (Интервью 4, гр. 2, ж.). Наконец, некоторые информанты подчеркивают, что не одобряют безвозмездную поддержку спонсоров, так как такое нересипрочное взаимодействие налагает моральные обязательства на получателя, а предпочитают взаимовыгодное сотрудничество: *«И я не приветствую, когда благотворители что-то отдают, потому что плохое отношение складывается: вроде бы ты становишься им должен, а из-за трех копеек мне проще покупать»* (Интервью 6, гр. 2, м.).

В целом анализ эмпирических данных демонстрирует, что активисты неоднозначно оценивают опыт сотрудничества с бизнес-структурами. С одной стороны, они рассказывают об удачных практиках

кратковременного и долговременного партнерства с предпринимателями и даже заявляют, что постепенное формирование экокультуры и культуры антиконсьюмеризма в Петербурге способствует росту заинтересованности бизнеса во взаимодействии с активистами и стимулирует институционализацию партнерских схем. С другой стороны, они жалуются на недостаточность финансовой поддержки, оказываемой бизнес-партнерами, а также указывают на ряд издержек от сотрудничества с бизнесом, которых можно избежать в случае проведения мероприятий без какого-либо спонсорского сопровождения.

Взаимодействие с горожанами

Активисты считают горожан главным адресатом своих проектов и инициатив и в своей деятельности стремятся к широкому коммуникативному резонансу, призванному увеличить долю гражданского участия в благоустройстве городских территорий. С другой стороны, готовность жителей города к участию в акциях общественных движений, их поддержку активистских идей или, напротив, антипатию и скептицизм следует рассматривать как важнейшую характеристику реляционных полей, в которых укоренена деятельность гражданских инициатив. Так, информанты из Группы 1 подчеркивают, что стремятся к максимальной популяризации своих идей и усилий среди широких городских публик. Активисты озабочены мнением горожан о тех или иных решениях, требованиях и акциях движения, ввиду чего задействуют все возможные каналы обратной связи, а также настаивают на социологическом сопровождении проектов, причем в проведении исследований используют труд не только профессиональных экспертов, но и волонтеров: *«Да, во-первых, мы проводим исследования – часто серьезные, то есть волонтеры со счетчиками стоят, считают велосипедистов. У нас группа ВКонтакте – это наш основной канал общения, поэтому очень удобно проводить какие-то опросы. Еще есть общественные встречи, которые мы*

старается проводить хотя бы раз в год и зовем туда всех интересующихся» (Интервью 7, гр. 1, ж.). Однако, поскольку проекты Группы 1 связаны с трансформацией городской среды общего пользования, а городские публики по определению гетерогенны и обладают различными пространственными привычками и предпочтениями, интересами и потребностями, успехи движения (например, создание фрагментов велодорожной сети в городе) неизбежно вызывают противоречивые реакции общественности вплоть до отторжения со стороны тех горожан, которые прежде рассматривали подвергшуюся изменениям территорию как «свою», символически приватизированную: *«То есть мы пытались доказать людям, что они не правы. Как отнять у пешехода тротуар? То есть было там делать велодорожку. И у граждан была очень негативная реакция. В общем, такие споры были»* (Интервью 2, гр. 1, м.).

Активисты Группы 2 также предпринимают значительные усилия, чтобы привлечь внимание горожан к своей деятельности: они проводят просветительские мероприятия (например, мастер-классы для широкой публики и экоуроки в школах), призывают жителей участвовать в экологических акциях. Однако и в этом случае деятельность активистов не всегда встречает положительный отклик горожан. Местные жители могут, к примеру, воспринимать акции по уборке мусора как вторжение в их приватное пространство или просто раздражающий сигнал: *«Приехали мужики выпить на Вуоксу, сесть там со своими удочками. Внезапно туда приезжает пятьдесят волонтеров Группы 2 и со страшными гиканьями начинают бегать по всему этому острову, греметь какими-то банками, все это собирать»* (Интервью 1, гр. 2, ж.). Напряжение возникает, когда горожане декларируют бесполезность и неэстетичность труда активистов и даже обвиняют их в туеядстве: *«Конфликты бывают, иногда приходит какой-нибудь на акцию по сбору чего-нибудь и начинает рассказывать, что «все это ерунда, поставили бы мне бак во дворе, я бы и так все сдавал, а вы тут просто непонятно чем занимаетесь, время свое тратите,*

все это не эстетично». На уборках тоже часто: *«А это все бесполезный труд, зачем это, вам что, платят?»* (Интервью 4, гр. 2, ж.).

Итак, изученные российские организации общественных движений настойчиво стремятся к выстраиванию отношений сотрудничества или, по крайней мере, выраженного взаимного интереса с горожанами и идеальным форматом деятельности зачастую называют партиципаторные инициативы. Однако социальная и культурная гетерогенность городских публик оборачивается препятствием для активистской деятельности, поскольку ни одна инициатива по преобразованию городской среды не получает однозначно позитивной оценки местных жителей, а учесть разнообразные, а порой и прямо конфликтующие, интересы и потребности различных категорий горожан активисты не всегда способны.

Заключение

В данной статье была предпринята попытка проанализировать взаимоотношения представителей российских профессионализированных организаций общественных движений, осуществляющих активные действия по улучшению городского пространства, с другими городскими акторами. В исследовании деятельности подобных групп в социальных науках доминируют структурные и агентные подходы, предполагающие, что активисты всегда ограничены в своих ресурсах и вынуждены заниматься продвижением своей повестки, маневрируя в узких рамках объективно заданной структуры политических возможностей. Такая логика заставляет исследователей концентрироваться на единственной разновидности коммуникации активистов – их (зачастую проблематичном и даже конфликтном) взаимодействии с властями разного уровня. Мы стремимся отказаться от такого исследовательского ракурса и вместо этого учесть сложность и многоагентность коммуникативного контекста, в котором разворачивается деятельность организаций общественных движений. Мы исходим из того, что комплексный характер коммуникации

представителей движений помогает зафиксировать аналитическая модель реляционных полей, предложенная Дж. Голдстоуном.

Обращаясь к опыту петербургских организаций общественных движений, выступающих за трансформацию городской инфраструктуры, мы изучили реляционные поля, в которых укоренена их деятельность, обратив внимание на взаимодействие активистов не только с властями, но и с другими организациями общественных движений, представителями бизнеса и горожанами, а также проанализировали институциональное окружение интересующих нас групп.

Анализ показал необходимость (порой вынужденную) взаимодействия гражданских объединений с органами местной, а порой и федеральной власти. Активисты указывают на многочисленные проблемы и риски сотрудничества с властями, среди которых можно выделить «наращивание» политических репутаций чиновников за счет поддержки низовых проектов и своеобразное «перекладывание» ответственности за состояние территорий на плечи активистов. Более того, они оценивают результативность сотрудничества с городской администрацией как довольно низкую, связывая это с разнообразными ограничениями институциональной среды: недостаточным финансированием, сбоями в функционировании бюрократического аппарата, непредсказуемой ротацией чиновников. В такой ситуации представители движений вынуждены искать отдельных адресатов в эшелонах власти, благосклонно относящихся к их инициативам, выстраивать партнерские отношения с ними и гибко реагировать на смену состава административного аппарата. Тем не менее участники движений признают значимость информационной и организационной поддержки со стороны администраций разного уровня и указывают на принципиальную невозможность несанкционированной публичной активности.

Изученные организации общественных движений сформировали широкие сети коммуникации и сотрудничества с другими общественными инициативами в об-

ласти поддержания и улучшения качества городского пространства: активисты из разных групп постоянно встречаются на одних и тех же мероприятиях, выступают на общих площадках и пр. Однако некоторые информанты критически оценивают подобное взаимодействие, подчеркивая, что оно зачастую носит дискурсивный характер, но не приводит к реальным коллективным действиям и видимым изменениям городской среды. Более того, хотя у некоторых организаций общественных движений есть общие цели и/или форматы деятельности, в собранных интервью часто акцентируются скорее различия между ними, касающиеся приоритетов, структуры и отношений между участниками. Хотя открытых конфликтов между активистскими группами в ходе анализа не выявлено, в нарративах все же артикулируется некоторое напряжение, связанное с проблематизацией размытых границ между этими группами и растущей конкуренцией между ними. С другой стороны, активисты признают, что благодаря сетевизации стали возможны обмен знаниями, накопление опыта и распространение удачных практик, что в конечном итоге приводит к институционализации экокультуры и культуры антиконсюмеризма в городе, развитию соответствующей инфраструктуры.

Неоднозначную оценку получает и опыт взаимодействия активистов с бизнесом. Конструируя образ идеального взаимовыгодного сотрудничества, в котором бизнес получает репутационные прибыли, а активисты – информационную и финансовую поддержку, информанты указывают, что в реальности «цена» спонсорской поддержки (необходимость просвещения предпринимателей, строгая отчетность, моральные обязательства перед спонсорами и пр.) может оказаться слишком высока.

Наконец, гетерогенность городских публик определяет неоднозначную реакцию на проекты изученных организаций даже в том случае, если они предпринимают множественные усилия, чтобы учесть потребности

и предпочтения горожан и сделать дискуссию о развитии городской инфраструктуры максимально открытой.

Описанные выше характеристики реляционных полей осложняют деятельность организаций общественных движений в Санкт-Петербурге. Вероятно, спецификой этих полей можно объяснить неудачные попытки активистов по инициации крупномасштабных трансформаций городской инфраструктуры, так что они вынуждены довольствоваться лишь локальными, ситуативными успехами в деле улучшения качества городского пространства.

Полученные результаты анализа реляционных полей организаций общественных движений могут послужить основой для налаживания более эффективной коммуникации между различными группами интересов в больших городах, в том числе формирования реципрокных партнерских отношений с членами других инициативных организаций, а также представителями бизнеса, профильных комитетов, ведомств и городских администраций. В свою очередь, это может повысить результативность проектов, нацеленных на улучшение качества городского пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Axenov K., Brade I., Bondarchuk E. *Transformation of Urban Space in Post-Soviet Russia*. London: Routledge, 2006. 196 p.
2. Golubchikov O. World-city entrepreneurialism: globalist imaginaries, neoliberal geographies, and the production of new St. Petersburg. *Environment and Planning*, 2010, no. 42 (3), pp. 626–643.
3. Golubchikov O., Badyina A. Conquering the inner-city: Urban redevelopment and gentrification in Moscow. *The Urban Mosaic of Post-Socialist Europe: Space, Institutions and Policy*. Tsenkova S., Nedović-Budić Z. (eds.). Heidelberg, New York: Physica-Verlag, 2006. P. 195–212.
4. Vorobyev D., Campbell T. Anti-viruses and underground monuments: resisting catastrophic urbanism in Saint Petersburg. *Mute*, 2008, no. 2 (8), pp. 76–97.
5. Харви Д. Социальная справедливость и город. М.: Новое Литературное Обозрение, 2018. 440 с.
6. Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010. 680 с.
7. Закирова М. «Вот здесь видно все!»: саморепрезентация городского общественного движения // Журн. исслед. социал. политики. 2008. Т. 2. С. 217–240.
8. Гладарев Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города // От общественного к публичному / под ред. О. Хархордина. СПб.: Изд-во ЕУСПБ, 2011. С. 71–304.
9. Рублев Д.И. Опыт гражданской самоорганизации: движение против уплотнительной застройки в Москве, 2007–2008 гг. // Россия и современный мир. 2014. № 2. С. 238–248.
10. Зуйкина А.С. Факторы успеха и «провала» в деятельности локальных сообществ в ситуациях оспаривания городского пространства (на примере города Перми) // История пермского городского самоуправления в XVIII–XXI вв.: генезис, развитие, трансформация. Пермь: Новопринт, 2017. С. 85–94.
11. Зверев А.А. Политическое измерение охраны памятников в России: кейс московского движения Архнадзор // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Политология. 2017. № 19 (2). С. 118–129.
12. Москалева С.М., Тыканова Е.В. Социальные условия деятельности гражданских и экспертных групп по улучшению качества городской среды // Журн. социологии и социал. антропологии. 2016. Т. 19. № 4. С. 103–120.
13. Tykanova E., Khokhlova A. Grassroots urban protests in St. Petersburg: (non)participation in decision-making on the futures of city territories. *International Journal of Politics, Culture and Society*, 2019, pp. 1–22.
14. Gamson W.A. *The strategy of social protest*. Homewood: Dorsey, 1975. 217 p.
15. Kriesi H. [et al.]. *New social movements in Western Europe: A comparative analysis*. London: Routledge, 2015. 338 p.

16. Kriesi H. The organizational structure of new social movements in a political context. *Comparative perspectives on social movements*. New York: Cambridge University Press, 1996. P. 152–184.
17. McCarthy J.D., Zald M.N. Resource mobilization and social movements: A partial theory. *American journal of sociology*, 1977, iss. 82, no. 6, pp. 1212–1241.
18. Edwards B., McCarthy J.D. Resources and social movement mobilization. *The Blackwell companion to social movements*. Snow D.A. (ed.). Oxford: Blackwell Publishing, 2004. P. 116–152.
19. Kriesi H. The Political Opportunity Structure of New Social Movements: Its Impact on Their Mobilization. *The Politics of Social Protest: Comparative Perspectives on States and Social Movements*. Jenkins J.C., Klandermans B. (eds.). Minneapolis: University of Minnesota Press, 1995. P. 167–198.
20. McAdam D. [et al.]. *Comparative perspectives on social movements: Political opportunities, mobilizing structures, and cultural framings*. New York: Cambridge University Press, 1996. 426 p.
21. Tilly Ch. From Mobilization to Revolution. Reading «Social Movements and National Politics». *Statemaking and Social Movements*. Bright Ch., Harding S. (eds.). Ann Arbor: University of Michigan Press, 1978. P. 297–317.
22. Tarrow S.G. *Struggling to reform: Social movements and policy change during cycles of protest*. Ithaca: Center for International Studies, Cornell University, 1983. 67 p.
23. Jenkins J.C., Klandermans B. (eds.). *The politics of social protest: Comparative perspectives on states and social movements*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1995. 278 p.
24. Goldstone J.A. Introduction: Bridging institutionalized and noninstitutionalized politics. *States, parties, and social movements*. New York: Cambridge University Press, 2003. P. 1–24.
25. Шевцова И.К., Бедерсон В.Д. «У власти точка зрения – молчание»: взаимодействие инициативных групп и органов местной власти в политике городского планирования // Политическая наука. 2017. № 4. С. 111–136.
26. Кольба А.И., Ильченко А.А. Модели политической коммуникации в конфликте между структурами власти и обществом (региональный уровень) // Человек. Общество. Управление. 2012. № 1. С. 122–132.
27. Кольба А.И. Модели политической коммуникации в конфликте между структурами власти и обществом (региональный уровень) // Современный город: власть, управление, экономика. 2016. № 1. С. 22–31.
28. Королева М.Н., Чернова М.А. Тактики реализации городских проектов в условиях современных управленческих практик и законодательства // Городские исследования и практики. 2017. Т. 2. № 3. С. 28–41.
29. Королева М.Н., Чернова М.А. Городской активизм: управленческие практики как ресурс и барьер развития городских проектов // Социологические исследования. 2018. Т. 9. № 9. С. 93–101.
30. Goldstone J.A. More social movements or fewer? Beyond political opportunity structures to relational fields. *Theory and society*, 2004, vol. 33, no. 3–4, pp. 333–365.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Валерьевна Тыканова – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт Российской академии наук – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14; e-mail: elenatykanova@gmail.com

Анисья Михайловна Хохлова – кандидат социологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет». Российская Федерация, 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; e-mail: a.khokhlova@spbu.ru

© Tykanova E.V., Khokhlova A.M.

INTERACTION CONFIGURATION OF ST. PETERSBURG SOCIAL MOVEMENTS ORGANIZATIONS AIMED AT IMPROVING THE URBAN ENVIRONMENT QUALITY

The article is focused on the Russian professional organizations of social movements aiming to improve the urban environment. The authors analyze the interactions of such organizations with other actors involved in the formation and revision of the urban agenda and/or political decisions on urban development, and ask how the nature and outcomes of these interactions affect the activities of the organizations and determine its effectiveness. Abandoning the traditional approach, when the organizations of social movements are considered mainly as structures dependent on the power and at the same time opposed to them, the authors insist on studying the rootedness of the efforts of activists organized groups in the complex context of interactions with numerous stakeholders – their “relational fields”. Based on the materials of semi-formalized interviews with the representatives of two organizations of social movements in St. Petersburg involved in the development and promotion of urban infrastructure projects, and informal observations at the events of these groups, the authors analyze the forms and barriers of activists’ interaction not only with political elites, but also with representatives of business, other civic initiatives and the general public, and discuss the institutional framework of such interaction. They demonstrate the benefits and costs of various formats of communication between activists and key urban actors (information, consulting, partnership, etc.) and conclude that the properties of relational fields in which the studied organizations of social movements operate today hinder the implementation of large-scale infrastructure initiatives, but open up opportunities for local situational victories.

Urban space, quality of urban environment, activists, organizations of social movements, city authorities, relational fields.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Tykanova – Ph.D. in Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. 25/14, 7th Krasnoarmeyskaya Street, St. Petersburg, 190005, Russian Federation; e-mail: elenatykanova@gmail.com

Anisya M. Khokhlova – Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “St. Petersburg State University”. 1/3, Smolny Street, St. Petersburg, 191124, Russian Federation; e-mail: a.khokhlova@spbu.ru